

А? Чжэнь Цюн повернул голову и увидел на соседнем столе стеклянную бутылку высотой в три чи. Неизвестно, была ли она выдута или отлита в форме, но, несмотря на свои размеры, она выглядела весьма изысканно, с нежно-голубым оттенком. Внутри стояли несколько свежих веток зимней сливы, создавая элегантный и красивый вид, который явно говорил о её высокой стоимости.

Разве это не изделие из печи? Какое отношение это имеет к нему? Однако, прежде чем Чжэнь Цюн успел высказать свои мысли, чья-то рука легла на его предплечье.

Хань Мяо с улыбкой произнёс:

— Даосский наставник знает, что старая госпожа любит сливы, и этот волшебный сосуд — выражение его уважения. Пусть старая госпожа живёт долго и счастливо.

Чжэнь Цюн почувствовал, как его рука буквально горит, и слова, которые он собирался произнести, застряли в горле. Он лишь глупо кивнул, следуя за общим настроением.

Старая госпожа Хань, конечно, не заметила никаких проблем и удовлетворённо кивнула, после чего спросила:

— Даосский наставник, вы в последнее время так заняты. Что вы сейчас готовите? Может быть, пилюли бессмертия?

— Э-э, я занимаюсь очисткой нового вещества. Если удастся его получить, это не только покажет чудеса природы, но и может принести большую пользу, — поспешно объяснил Чжэнь Цюн. Открытие нового металла, которое могло бы войти в историю, могло иметь огромное значение.

Однако эти слова в ушах старой госпожи Хань прозвучали как поиск эликсира бессмертия. Она сразу же посмотрела на него с одобрением:

— Это действительно великое благое дело.

Заметив, что Чжэнь Цюн выглядит немного напряжённым, она с улыбкой добавила:

— Хотя даосский наставник Чжэнь и занимается глубоким изучением даосских практик, в новогоднюю ночь стоит немного расслабиться и повеселиться. Раз уж вы живёте в нашем доме, не стесняйтесь, считайте это своим.

Старая госпожа Хань уже знала от внука о происхождении этого молодого даосского наставника, и это вызывало у неё некоторую симпатию. После этих слов она повернулась к Хань Мяо и сказала:

— Можно начинать ужин.

«В домах знати и простолюдинов собираются вокруг очага, сидят вместе до утра, не спят, и это называется "охранять год"». Новогодний ужин длится всю ночь, начиная с зажжения фонарей и до самого утра. По приказу Хань Мяо на стол стали подавать блюда, одно за другим.

Чжэнь Цюн никогда не видел ничего подобного. Стол был уставлен изысканными яствами, вокруг царил атмосфера веселья, управляющие из усадьбы постоянно заходили, чтобы выпить за здоровье старой госпожи, поздравить двух господ с Новым годом и оказать почтение ему, как почётному гостю. Время от времени появлялись группы детей в масках, которые

веселились и дурачились, создавая праздничное настроение. Старая госпожа смеялась от души, приказывая раздавать медные монеты и ночные закуски, а затем с лёгкой грустью обратилась к Хань Ся:

— Ся, тебе пора уже жениться. Я всё жду, когда у меня появится правнук.

Не ожидая такого поворота, Хань Ся покраснел до корней волос и, заикаясь, ответил:

— Всё зависит от вас, старая госпожа, и от старшего брата.

Увидев, как младший внук смущается, старая госпожа Хань улыбнулась и сказала Хань Мяо:

— Мяо, ты должен хорошенько присмотреть ему невесту. Она должна быть скромной и благородной!

Хань Мяо тоже с улыбкой пошутил:

— Старая госпожа, не волнуйтесь, я обязательно выберу для Ся хорошую невесту, чтобы его не схватили в день объявления результатов.

«Ловля зятьев под списком» была традицией в столице. Каждый год множество богатых купцов и знати ждали дня объявления результатов экзаменов, чтобы заполучить хорошего зятя. Хотя это была шутка, в ней скрывалось глубокое ожидание. Старая госпожа Хань была рада, и Хань Ся, как бы он ни смущался, должен был поддерживать брата, чтобы порадовать бабушку.

Старая госпожа Хань воспользовалась моментом, чтобы преподать младшему внуку урок, напомнив ему о семейных правилах и запрете брать наложниц. Западная ветвь Хань была побочной ветвью, и они хорошо знали, каково это. Поэтому с тех пор, как они отделились от главной ветви, в доме была только одна законная жена, без наложниц и служанок. Таким образом, хотя в Западной ветви Хань и не было много людей, они были ближе друг к другу, чем в главной ветви, где шла борьба за наследство.

Эта длинная проповедь заставила Чжэнь Цюна, как постороннего, широко раскрыть глаза.

Неужели это и есть легендарное «сватовство»? Он вырос в даосском монастыре и никогда не видел ничего подобного. Подождите, Хань Ся всего шестнадцать или семнадцать лет, а его уже сватают? Почему никто не сватает Хань Мяо?

Украдкой взглянув на рядом стоящего, он случайно встретился взглядом с этими улыбающимися глазами. Чжэнь Цюн сглотнул слюну и быстро отвёл взгляд.

Ну, конечно, ведь он уже привёл его сюда, так что его вряд ли будут сватать.

Чжэнь Цюн чувствовал себя как на иголках, но человек рядом тихо засмеялся и, наклонившись к его уху, прошептал:

— Брат, ты устал? Позже я отведу тебя посмотреть на фонари.

Возможно, из-за выпитого вина его слова звучали слегка пьяняще. Чжэнь Цюн почувствовал, как его сердце забилось чаще, кожа головы затекла, а руки крепко сжались на коленях, не позволяя ему пошевелиться. Видимо, его реакция развеселила Хань Мяо, который улыбнулся, отвернулся и продолжил подшучивать над братом вместе с бабушкой.

Это было частью их заранее обсуждённого плана. Их семья отличалась от других, и Хань Ся

рано или поздно должен был сдать экзамены и получить должность, поэтому его свадьбу нужно было устроить как можно раньше. Что касается его собственной свадьбы, то здесь нельзя было торопиться, сначала нужно было укрепить семейное дело, чтобы не совершить ошибку. Если выбрать неподходящую невесту, это может только ухудшить ситуацию.

Такие доводы, естественно, заставили бабушку больше внимания уделить младшему внуку. Он же, поддерживая её, создавал весёлую атмосферу в зале.

Когда луна поднялась над деревьями, все наелись и напились, остатки ужина убрали, а на стол поставили фрукты и сладости. Старая госпожа Хань начала чувствовать усталость, и Хань Ся подошёл, чтобы помассировать ей ноги и спину, рассказывая забавные истории из книг. Хань Мяо же обратился к ним:

— У нас дома не запускают фейерверки, я отведу даосского наставника Чжэня на смотровую башню.

Старая госпожа Хань с улыбкой кивнула:

— Идите, только не забудьте вернуться и поесть супа с клёцками перед сном.

Братья Хань всё ещё находились в трауре, поэтому вино и ночные посиделки были допустимы, но фейерверки запускать не стоило. В нужное время можно было сжечь бамбук и постучать по пеплу, но для гостя-даосского наставника это было слишком скучно. Это предложение было просто проявлением гостеприимства, и старая госпожа Хань не могла не согласиться.

Хань Мяо с улыбкой поклонился бабушке и, взяв Чжэнь Цюна за руку, вышел из комнаты. Они не пошли через главный вход, а обошли боковой, избегая шумного пира в переднем дворе. Хотя они избежали толпы, ночь всё равно была беспокойной, звуки фейерверков сливались в один гул, и издали доносились крики и смех детей. Даже лёгкий холод, встретивший их при выходе, был разогнан праздничной атмосферой.

Чжэнь Цюн совсем не чувствовал холода, наоборот, ему было жарко. Не только рука, которую держали, но и его лицо, и грудь казались горячими, будто вот-вот покроются потом. Смотровая башня, куда они направлялись, находилась в главном дворе и была трёхэтажной. С неё можно было увидеть всё, что происходило за пределами усадьбы. Усадьба Западной ветви Хань находилась за пределами города, но с высоты можно было разглядеть даже фейерверки в Аньяне, не говоря уже о шуме, который поднимали соседи.

Подведя Чжэнь Цюна к перилам, Хань Мяо указал рукой:

— Вон там находится родовое поместье главной ветви. Каждый год в конце года они запускают разноцветные фейерверки, которые даже ярче, чем в городе.

Как будто в подтверждение его слов, над большим поместьем взметнулись светящиеся облака. Пять цветов, яркие, как закатные облака, сопровождаемые пронзительными звуками, взлетели в небо, превратившись в небесный огонь.

Хань Мяо замолчал, заворожённо глядя на это зрелище. Когда-то его отец тоже стоял с ним на этой башне, наблюдая за фейерверками главной ветви, и рассказывал, сколько стоит один фейерверк.

Какие мысли были у отца о главной ветви? Хотел ли он слиться с ними, вернуться в главную ветвь? Или надеялся, что его сыновья получат хорошее образование и поддержку от

родственников? Или просто хотел отблагодарить министра Хань за его доброту... Он никогда не понимал этого, но, к сожалению, теперь некому было об этом рассказать.

Это море огней было прекрасным и ослепительным, но оно быстро исчезло. Вскоре яркие огни погасли, и их сменил оглушительный грохот фейерверков.

Хань Мяо наконец очнулся и понял, что потерял самообладание. Сегодня он привёл Чжэнь Цюна смотреть фейерверки, а не вспоминать прошлое. Повернувшись, он с улыбкой сказал Чжэнь Цюну:

— Фейерверки действительно впечатляют. Брат, знаешь ли ты, из-за чего они такого цвета?

Это была шутка и попытка отвлечься, просто случайный вопрос.

— Красный — это кальций, зелёный — медь, синий — железо, золотой — уголь, а ещё есть соли... — Чжэнь Цюн тут же начал нервно и быстро объяснять.

Фейерверки его не интересовали, он всё это время смотрел на профиль человека рядом, чувствуя, что тот выглядит немного грустным. Новогодняя ночь, и даже фейерверки вызывают печаль? Даже сейчас, когда он говорит, его улыбка изменилась! У Чжэнь Цюна совсем не было настроения шутить. Просто фейерверки, он хотел выложить всё, что знал, чтобы утешить его!

Хань Мяо был очень проницательным и сразу понял, что Чжэнь Цюн пытается его утешить. Такой невнимательный человек смог заметить, что что-то не так, и хотел его успокоить? Подняв бровь, Хань Мяо не смог сдержать смеха, смеялся так сильно, что чуть не потерял достоинство. Этот даос действительно был непохож на других.

<http://bllate.org/book/16827/1547291>